

Утренний свет пробивался сквозь щели жалюзи, нарезая клавиатуру Ван Сюаньдао полосами света и тени. В глубине третьего ящика стола, среди перепутанных кабелей и пакетиков с травяным чаем, белело письмо об увольнении. На конверте — вышитый Су Цзинхао узор из листьев гинкго, уже присыпанный крошками сушеной цедры.

— Брат Дао, администрация собирает неиспользуемое имущество, — Линь Сусинь заглянула в кабинет, прижимая к груди картонную коробку. Аромат полыни от саше на её косичке коснулся монитора. — Говорят, после запуска метавселенной в выставочном зале поставят умные столы с регулировкой высоты.

Ван Сюаньдао принялся перебирать чётки из туи; деревянные бусины тихо похрустывали о направляющие ящика. На обороте письма он прошлой ночью набросал кофейными пятнами эскиз: барная стойка из дерева гинкго для Западного флигеля, а фоновая стена выложена из фрагментов Важнейших принципов питания, сложенных в форме кофейных зерен. Когда послышались шаги администратора, он, поддавшись внезапному порыву, сунул конверт между страниц Руководства по программированию на Java.

— Инженер Ван, список на утилизацию, — администратор протянул планшет, курсор мигал на строке Эргономичное кресло. — Ваша модель — из первой партии, её остаточная стоимость как раз покрывает лишь малую часть нового кресла.

Кофемашина в комнате отдыха издавала прощальный гул. Ван Сюаньдао спрятал свои драгоценные зерна из Юньнани в термос, а кофейная гуща в фильтр-пакете выглядела точь-в-точь как засушенные листья гинкго, собранные у порога Западного флигеля. Когда Линь Сусинь тайком подкладывала в коробку для сбора вещей травяное саше, она заметила, что фрагмент Дао Дэ Цзин лежит поверх общего фото отдела, а пометка на полях Знание меры избавляет от опасности расплылась от кофейного пятна.

В обеденный перерыв стук туфель менеджера проекта прозвучал особенно резко:

— Управление по туризму увеличило бюджет на AR-эффекты, сегодня вечером все... — он внезапно замолчал, глядя на новые чётки из агарового дерева на запястье Ван Сюаньдао. — У вас, инженер Ван, в последнее время отличный вид.

— Перешел на целебные чаи, — Ван Сюаньдао приоткрыл крышку термоса, и воздух наполнился ароматом жасмина вперемешку с семенами кассии. Менеджер сглотнул, и, вопреки обыкновению, не стал читать нотации.

Когда начался ливень, Ван Сюаньдао считал закладки из листьев гинкго в пожарном пролете. Дизайн-проект, присланный Су Цзинхао, был сложен в бумажный самолетик, который на сквозняке врезался в указатель Выход. Телефон напомнил о платеже по ипотеке, но он лишь вбивал в калькулятор смету ремонта Западного флигеля — сумма как раз равнялась выплате за неиспользованные отпуска за пять лет сверхурочных.

— Брат Дао, это от доктора Чэня, — Линь Сусинь протянула коробочку из Зала Цинъян. На пирожном из пории был оттиснут узор Тайцзи. — Сказал, для укрепления сердечной ци.

В складке коробочки виднелся край договора аренды, где пункт о неустойке был обведен красным в форме сердечка.

В микроволновке что-то глухо хлопнуло. Ван Сюаньдао вызволил подгоревшее яйцо с дудником и обнаружил, что Дао Дэ Цзин использовали как подставку под пролитый кофе. Глава сорок четвертая, о том, что довольствующийся малым не подвергается позору, утонула в коричневых пятнах, причудливо совпавших с трещинами на балках Западного флигеля.

В конце смены лифт был набит усталыми людьми. Ван Сюаньдао прижался к зеркальной стене, глядя, как десятки его отражений накладываются на края письма об увольнении. В подземном паркинге одна за другой загорались лампы, и в багажнике он нашел чайник из исинской глины, спрятанный Су Цзинхао. Чайник был обернут рукописью Заметок о кофейной обжарке, а на трещине красовался пластырь с надписью Ремонт года Усуй.

Парк Уюэ под проливным дождем отливал холодным блеском синего камня. Ван Сюаньдао стоял под навесом Западного флигеля, глядя, как листья гинкго кружатся в лужах, напоминая звездную карту. Появился Старец Лу с фонарем, теплый свет выхватил полустертую табличку над дверью: Эти четыре иероглифа о спасении мира я когда-то выменял на двадцать цзиней плодов гинкго.

Телефон на каменном столе завибрировал — менеджер прислал уведомление об овертайме. Ван Сюаньдао положил письмо об увольнении поверх копии Важнейших принципов питания: вышивка Су Цзинхао и древние рецепты вступили в странный резонанс. Подпись в конце письма, размытая дождем, походила на финишный штрих кофейного латте.

На ночном совещании по проверке кода Ван Сюаньдао вписал в комментарии: //Истинный свет берет начало в парке Уюэ. Голографическое дерево гинкго внезапно зависло, и он заметил координаты Западного флигеля, спрятанные им в файлах моделирования. Линь Сусинь протянула чай для успокоения нервов, на дне термоса семена зизифуса сложились в очертания иероглифа Ци.

Когда утренний свет выбелил занавески, письмо об увольнении задрожало в приемном лотке принтера. Ван Сюаньдао подогрел в термосе последнюю порцию кофе, аромат которого разбудил спящего в переговорке стажера. Менеджер проекта прошел мимо, жуя энергетический батончик:

— Инженер Ван, научите новичков вашей технике заваривания?

— Боюсь, возможности уже не будет, — Ван Сюаньдао прижал конверт к клавиатуре, и шнурок от его пропуска с тихим звуком перетерся и порвался. Чётки из туи рассыпались по полу, подняв облако пыли.

В отделе кадров на горшке с эпипремнумом проклеывались новые побеги. Когда HR пододвинула соглашение о расторжении, Ван Сюаньдао провел черту по пункту о запрете на конкуренцию:

— Этот пункт не применим, я уйду продавать лечебный кофе.

В тот миг, когда перо замерло над строкой подписи, Су Цзинхао прислала уведомление: пожарная инспекция пройдена. На фото вывеска Западного флигеля из дерева гинкго сияла в утренней росе.

Уборка рабочего места затянулась до сумерек. Ван Сюаньдао подарил Линь Сусинь фрагмент Дао Дэ Цзин, вложив между страниц ключ-карту от Западного флигеля. Девушка прослезилась и сунула в его коробку сборник рецептов Пяти Элементов из Зала Цинъян:

— Доктор Чэнь сказал, что на открытие подарит вам пластыри для лечения в период Саньфу.

Последним предметом под клавиатурой оказался засушенный лист гинкго. Ван Сюаньдао поднял его против заходящего солнца — прожилки проецировали на свет план Западного флигеля. Вдруг появился менеджер и бросил флешку с данными метавселенной:

— Исходники, которые требовало Управление по туризму. Возможно... они тебе пригодятся.

В парке Уюэ во время очередного ливня не было ни души. Ван Сюаньдао закопал пропуск под корнями гинкго и, разгребая землю, наткнулся на половинку старинной аптекарской ступки. Су Цзинхао подошла с фонарем, теплый свет осветил предмет в её руках — в банке из-под кофейных зерен пожелтела записка, оставленная когда-то старшим братом: Настоящий кофейный аромат сильнее тысяч строк кода.

В ту ночь Ван Сюаньдао сжег в Западном флигеле дневник сверхурочных. Пока пепел кружился, словно бабочки, в офисной высотке гремел банкет по случаю запуска метавселенной. В ленте соцсетей мелькнул пост Линь Сусинь: Обновленная версия офисного чая, на фото — пропитанный кофе Дао Дэ Цзин, а из уголка страницы выглядывает половинка купона в Зал Цинъян.

На рассвете Старец Лу под деревом гинкго демонстрировал древний способ обжарки зерен. Треснувший исинский чайник тихо пел над углями. Ван Сюаньдао внезапно спросил:

— Когда закрывали даосский храм, вы хоть раз колебались?

Старик бросил горсть крупной соли в котел:

— Звук падающих спелых плодов гинкго в тот день был чище любого колокольного звона.

Су Цзинхао настраивала кассовый аппарат и вдруг тихо рассмеялась:

— Ипотеку платить еще двадцать три года.

Ван Сюаньдао опустил выручку за первый день в ящик для пожертвований — он был переделан из того самого эргономичного кресла, а в прорезь для монет был вставлен пропуск, который он забрал при увольнении.

В сумерках в Кофейне Сюаньци зажглись теплые огни. Первыми гостями стали охранники парка с женами. Мужчина, указывая на стену с фотографиями, воскликнул:

— Это же рецепт каши из гинкго с завтрака моей жены!

Женщина провела рукой по стене, украшенной Важнейшими принципами питания, и вдруг прослезилась:

— В аптеке, которую держал мой отец, было точно так же — пахло книгами.

Перед закрытием Ван Сюаньдао обнаружил на стойке анонимный букет. На карточке был логотип выставочного зала метавселенной, а на обороте почерк Линь Сусинь: Доктор Чэнь сказал, что в час крысы пора гасить свет и беречь дух. Из букета выпала закладка из листа гинкго, на обороте которой кофейным пятном была выведена новая пометка: Иметь простоту, хранить естественность, сокращать эгоизм — посвящается истинно проснувшимся.

<http://bllate.org/book/18481/1776494>